Йорг Диркен

«Общая задача государства и церквей — совместными усилиями обеспечить доступ к религиозному образованию...»

Беседа с профессором евангелического богословского факультета университета им. Мартина Лютера в Галле

Jörg Dierken

"The overall goal of state and churches — to work together to ensure access to religious education..."

Jörg Dierken — Evangelical Theological Faculty of the Martin Luther University in Halle-Wittenberg (Germany). oerg.dierken@theologie.uni-halle.de

The interview with Dr. Dierken starts with constitutional foundations of the phenomenon of theological departments in German universities. He draws a Protestant perspective on the status of theology as a science, the interaction of Church and State bodies, and the relationship between the statuses of theology professor and pastor. Dr. Dierken also deals with the distinction between theology and religious studies. He then tells about his participation in interdisciplinary commissions dealing with cases at the intersection of medicine, ethics, and law. Speaking about the similarity of theology and other university disciplines, Dr. Dierken draws upon his experience as a Dean of the Department of Humanities at the University of Hamburg, in 2005–2008.

Keywords: theology, religious studies, science, university, Church and State, constitutional law, religious education.

Вам довелось в процессе учебы и работы познакомиться с целым рядом богословских факультетов в Германии...

Йорг Диркен: С пятью. Кроме того, во время работы над хабилитацией я провел год в Вене и Чикаго. Затем оказался в Гамбургском университете, где в то время не было богословского факультета — только так называемое богословское отделение, на котором я проработал 15 лет. С 2005 г. в университете Гамбурга происходило слияние семи отделений (языки, литература, искусство, философия, история, богословие, ориенталистика) в один большой гуманитарный факультет, и меня выбрали деканом этого нового факультета[1] (в этой должности я проработал несколько лет). Слиянию подверглись и другие отделения, которых всего было 19, и богословское — самое маленькое. При этом в один факультет попадали очень разные предметы, и так возник большой естественнонаучный факультет, большой гуманитарный, юридический, медицинский, педагогический и проч. Богословие пыталось остаться самостоятельным и долгое время сопротивлялось внедрению в гуманитарный факультет. Но подобная автономия была здесь невозможна, потому что у Гамбурга не было соответствующего государственно-церковного статуса. Это местные особенности.

Что вы имеете в виду, говоря о государственно-церковном статусе?

В Гамбурге не было государственно-церковного договора (*Staatskirchenvertrag*). Политики предполагали, что богословие совсем исчезнет (планировалось оставить три профессуры для подготовки учителей религии). Основной политической силой города является портовое хозяйство. Это прагматично настроенные горожане, богатые купцы, которые выступали против устройства собственного университета еще в XVIII–XIX веках. Во-первых, по финансовым соображениям, а во-вторых, потому, что профессора олицетворяли собой гражданское общество с его неудобными требованиями. Поэтому гамбургское купечество посылало своих детей учиться в университеты Геттингена, Лейпцига, Берлина.

1. В германских университетах должность декана выборная и вместе с тем переходная (от профессора к профессору, по очереди). Период деканата длится чаще всего четыре года.

Но после Первой мировой войны, в 1919 г., один богатый купец все-таки основал Гамбургский университет.

Но в нем не было богословского факультета?

Да, не было. Как не было его во Франкфурте и в Кельне. Большие университеты появились в этих городах благодаря гражданской активности, среднему классу, то есть они не были земельными университетами, основанными каким-либо земельным князем (как, например, Виттенбергский или Тюбингенский). Во Франкфурте спорили о том, не создать ли сразу три богословских факультета — евангелический, католический и иудейский (потому что там была сильная еврейская община), но, в конце концов, вообще отказались от богословского факультета. В Кельне и Гамбурге была схожая ситуация. В Гамбурге нашли компромисс: подготовкой богословов должны были заниматься главные пасторы при главных церквах[2], то есть победила модель церковного, а не университетского образования. После Второй мировой войны, в 1954 г., в Гамбурге все-таки создали богословский факультет — в знак признания заслуг оппозиции времен национал-социализма (здесь преподавали известный этик Гельмут Тиллике, а также Пауль Тиллих). Однако в 1970-е богословский факультет превратился в отделение евангелического богословия, а католического богословия в Гамбурге тогда еще не было; в 2000-е опять создали факультеты. В Гамбурге у богословия была сильная позиция еще и потому, что оно подвергалось нападкам со стороны политиков, и это привело к тому, что другие гуманитарные дисциплины солидаризировались с богословием, так как понимали, что их тоже могут сократить.

Почему политики нападали именно на богословие, а не на другие дисциплины?

Политики считали, что на богословии можно сэкономить без особого сопротивления — как со стороны церкви, так и со стороны университета. У этой земельной церкви был еще богословский факультет в Киле, и считалось, что этого достаточно. Главный аргумент состоял в том, что епископ находился не в Гамбурге,

2. «Главная церковь» в немецком протестантизме — церковь суперинтендента, т.е. благочинного.

а в Киле. И политики решили, что в Гамбурге богословие надо упразднить — сократить 19 профессур до трех, оставив небольшой институт для подготовки учителей. Там вообще собирались из 150 гуманитарных профессур оставить 30, а остальные передать в распоряжение финансово-экономических и естественнонаучных предметов. То есть в опасности оказались все гуманитарные науки, потому что они, так сказать, экономически ничего не дают. Политики настаивали на том, что университет должен готовить прежде всего экономистов и естественников. И богословие билось с политиками за жизнь, как Давид с Голиафом.

И все потому, что в Гамбурге не было государственно-церковного договора. Что это все-таки такое?

В Германии в основе существования всех богословских факультетов лежит конституционное право. Конституция (Основные статьи 1–20) содержит две статьи, непосредственно посвященные религии: в статье 4 речь идет о свободе вероисповедания, а статья 7 содержит указания, касающиеся школы и воспитания. Согласно 4-й статье, религиозные сообщества обладают правом самоуправления, и, соответственно, все признанные государством религиозные организации имеют право на заключение так называемого «государственно-церковного договора». По разным причинам подобные договоры заключались не везде — Гамбург, Бремен, Берлин не имели подобных договоров (в Гамбурге он потом все-таки появился).

Решающий момент здесь — право на самоопределение, которое означает, что каждое религиозное сообщество — протестанты, католики, иудеи, православные и т.п. — может само для себя определять, что такое религия. При этом свобода вероисповедания — не безгранична. Ограничения вступают в силу там, где со ссылкой на свободу вероисповедания начинается вторжение в сферу свободы других (например, возникает конфликт в вопросе о запрете девочкам-мусульманкам посещать уроки плавания при участии детей обоих полов). Понятие о свободе вероисповедания предполагает и отрицательную свободу, то есть право не исповедовать никакой религии или быть атеистом.

Государство остается мировоззренчески нейтральным?

Да. Хотя, строго говоря, это тоже мировоззренческая позиция — не исповедовать никакую религию. Позиция государства состоит в том, что оно не обладает компетенцией судить о мировоззренческих вещах, но регулирует действия, совершающиеся по религиозным мотивам (например, в сфере семейных конфликтов, в вопросах налоговых привилегий и проч.). Иногда доходит до абсурда. Например, когда в Германии был принят закон о защите некурящих в местах общественного питания, в земле Шлезвиг-Гольштейн Союз рестораторов заявил, что у них есть рестораны, в которых совершаются культовые действия, предполагающие контролируемое курение табака, а поэтому, на основании свободы вероисповедания, в этих ресторанах следует разрешить курение.

И кто же дает экспертные заключения по подобным поводам?

Это сложный вопрос. В данном случае экспертиза показала, что все это не имеет отношения к религии. Но подобные случаи демонстрируют, что государство пребывает в постоянном балансировании: с одной стороны, оно должно быть религиозно и мировоззренчески нейтрально, а с другой стороны, оно должно иметь критерии, ориентируясь на которые можно судить, что надо защищать, а что не надо. То есть государство должно различать, где религия, а где, скажем, финансовые интересы (как в случае с сайентологией). Поэтому государству приходится постоянно соблюдать нейтральность и при этом делать какие-то отсылки к тому, что само религиозное общество называет религией. Есть ряд критериев, по которым церкви признаются или не признаются государством. В принципе это — количество членов и продолжительность существования. Об этом говорит статья 140 Веймарской конституции, которая легла в основу соответствующего закона.

А сколько лет подразумевает эта «продолжительность существования»?

Там написано просто «продолжительность существования». Государство должно постоянно взвешивать все заново, ему приходится работать с аналогиями, то есть разрабатывать критерии того, что такое религия, а критерии созданы на базе христианской традиции. Ислам, например, организован иначе, и у государства

здесь нет институционального партнера, с которым можно было бы вести переговоры. Поэтому во всех спорах (как в случае с совместным уроком плавания) создаются вспомогательные конструкции в виде мусульманских советов и комиссий, так как государство исходит из того, что организационная форма той или иной религии и есть его партнер, к которому можно обратиться в случае необходимости.

А как дела обстоят в университете, который тоже мировоззренчески нейтрален? Ведь на богословских факультетах фактически есть «идеология», если воспользоваться светской терминологией. Нет ли здесь противоречия?

В Германии нет государственной церкви, поэтому нет и государственных церковных органов. Но есть представление о том, что закон о свободе вероисповедания подразумевает защиту церквей, положительную оценку присутствия церквей и религий в общественном пространстве. Поэтому государство и церкви считают область воспитания и образования своей общей задачей. Это касается, например, преподавания религии в школе: религия входит в учебный план. Идея состоит в том, что дети должны получать образование в области религии, чтобы впоследствии быть в состоянии адекватно прибегать к своему праву на свободу вероисповедания — и в отрицательном, и в положительном смысле. Общая задача государства и церквей — совместными усилиями обеспечить доступ к религиозному образованию: как путем подготовки учителей религии, так и путем подготовки церковных кадров. Государство отвечает за соблюдение педагогических и научных принципов образования, но содержание определяет не государство, а сами церкви.

Но ведь то, что у протестантов представляет собой правильное учение, у католиков может рассматриваться как ересь. Получается, что университетские богословы подвергают друг друга сомнению на основании конфессиональной принадлежности. Совместимы ли подобные соображения с научностью?

Да, совместимы. Идея ведь не в том, чтобы не признавать друг друга на научном основании. Расхождения имеют место в области определенных религиозных представлений. Государство ожидает от богословов того же уровня научности и на основании тех же критериев, как, например, от историков.

Историк работает с фактами, подлежащими проверке. Чем в этом смысле располагает богослов? Можно ли «проверить» Бога?

Будучи богословом, я должен быть в состоянии ввести в рациональный дискурс основания, опираясь на которые верующие говорят о Боге. Об этом богословы должны быть в состоянии давать отчет. И университет — это научная среда, то место, в котором необходима и ожидается рациональность подобного отчета на основании тех же критериев, на которые опирается, скажем, философия.

Тогда, может быть, достаточно философии?

Нет. Здесь мы подходим к вопросу о единстве разных областей, из которых складывается университетское богословие. Систематическое богословие должно давать отчет о значимости (*Geltung*) и о пределах «слова о Боге». При этом оно особым образом связано с философией, социологией, гуманитарными науками. В богословии мы имеем дело и с историческим измерением. Родственными дисциплинами здесь являются исторические науки, ориенталистика, гебраистика, древние языки и проч. Церковная история работает со светской историей. В состав богословия входят и другие области, сильнее ориентированные на практические вопросы, и партнерами богословия здесь являются педагогика, психология. Для изучения Ветхого и Нового Заветов нам нужны древние языки, религиозная история [Ближнего] Востока, история Древнего мира. Как видите, одной философией здесь не обойтись.

Получается, что богословие представляет собой букет всевозможных дисциплин, от каждой из которых оно берет понемногу. Можно ли тогда вообще всерьез воспринимать его как самостоятельную науку?

Если богословие хочет, чтобы его воспринимали всерьез, тогда оно, конечно, оказывается перед вызовом: оно должно быть в состоянии говорить со всеми этими дисциплинами наравне и в то же время привнести в разговор то особенное, что отличает христианскую веру, формулировать это особенное на рациональном языке, чтобы донести его до собеседников понятным для них образом. Иначе говоря, во всех этих дисциплинах богословие должно доступным и адекватным образом излагать то, что отличает его от них, и одновременно участвовать в текущем дискурсе со светскими науками наравне с ними. Богословским высказываниям, сформулированным в манере, не соответствующей рациональным стандартам и потому не воспринимаемым светскими родственными дисциплинами, нет места в университете.

Протестанты и католики взаимно признают научные степени?

Только отчасти, потому что религия есть дело самого «религиозного сообщества». Религиозное сообщество католиков не возьмет же к себе в качестве духовного лица протестанта, и наоборот.

Но если католики и протестанты в университетской среде друг друга не признают (в том, что касается научных степеней), то как же представители других наук могут серьезно относиться к богословам?

В плоскости научных исследований могут. Католик, например, может составить экзегетический комментарий к Библии, который протестанты оценят как хорошую научную работу. Ведь и светский историк может внести ощутимый вклад в богословскую науку. Поэтому мы имеем постоянное пограничное сообщение между богословием и родственными светскими дисциплинами, а также между богословиями разных конфессий. Но все это не должно нарушать принцип, гласящий, что «религиозное сообщество» имеет право на самоопределение, то есть само определяет, что есть католичество, что есть протестантизм, что есть православие и т.д.

Если содержание богословия определяют сами «религиозные сообщества», значит ли это, что на богословском факультете в Гал-

ле, деканом которого вы являетесь, последнее слово остается за епископом?

За епископом останется последнее слово только в том случае, если я, будучи деканом богословского факультета, начну призывать к преподаванию атеизма или научного коммунизма.

И все же: имеет ли епископ какие-либо контролирующие функции на факультете?

В отличие от католических факультетов, на которых у епископов гораздо больше полномочий принимать меры, например, в отношении ереси, полномочия епископов на протестантских факультетах значительно более ограничены. Связано это с тем, что в рамках виттенбергской Реформации так называемое «дисциплинарно-вероучительное разбирательство»[3] (*Lehrzuchtverfahren*) было объявлено предметом совместных полномочий епископов и профессоров богословских факультетов.

То есть профессор богословия назначается не университетом, а богословским факультетом совместно с епископом?

Назначая профессора, выбранного богословским факультетом, ректор обязан получить согласие местного епископа. В Германии бывали случаи, когда профессоров богословия (как католиков, так и протестантов) исключали из состава факультета по той причине, что они преподавали вещи, не соответствующие вероучению своего «религиозного сообщества».

Это значит, что, принимая нового профессора, богословский факультет проверяет соответствие его взглядов вероучению?

Проверяет, конечно, прежде всего тогда, когда есть повод к сомнению. (У католиков самый известный случай — Ханс Кюнг.) Но «экзамена» в обычном смысле слова не бывает.

3. Разбирательство, в результате которого церковь увольняет университетского богослова или пастора, проповедующего чуждые учения и взгляды.

Все ли профессора богословия рукоположены в пасторы?

Бывает, что некоторые профессора раньше были пасторами, то есть они рукоположены. Я, например, прошел викариат.

Что такое «викариат»?

Викариат — это практическая подготовка к пастырскому служению, подобная той, которую проходят учителя или юристы («рефендариат») перед вторым государственным экзаменом. Это вторая двухгодичная фаза подготовки пасторов, учителей, судей. После викариата я был рукоположен в пасторы. Некоторые земельные церкви рукополагают профессоров богословия после того, как они прошли по конкурсу на богословский факультет.

Если профессор является пастором, служит ли он на приходе?

В принципе, это, конечно, предполагается. Но практически профессура и пастырство несовместимы. Профессорам приходится оставлять пастырское служение.

Членство в церкви является условием, чтобы стать профессором богословского факультета соответствующей конфессии. Относится ли это к студентам?

Нет, от студентов этого не требуется. Только к моменту, когда студент проходит экзамен, дающий ему право стать пастором.

То есть, начиная учебу на богословском факультете, не нужно быть членом какого-то конкретного прихода? Но крещеным, наверное, все-таки нужно быть?

И крещеным быть необязательно, потому что богословский факультет — государственное учебное учреждение. У нас на факультете есть некрещеные студенты. Некоторые потом, ближе познакомившись с христианством в процессе учебы, принимают

крещение. Но есть и такие, которые просто интересуются богословием. Они могут стать, например, журналистами.

Почему же такие студенты не учатся просто философии или религиоведению?

Они могут учиться и там, если религиоведение способно говорить о том, что есть христианство, изнутри. Но религиоведение ведь есть академическое изучение религиозных предметов при одновременном исключении внутренней перспективы, то есть перспективы носителя, *native speaker'a*. Принципиальная разница состоит в том, что богослов занимается притязанием веры, религии на истину и значимость, а религиовед оставляет подобные притязания за скобками.

Но на двери вашего кабинета значится: «Профессор систематического богословия и религиоведения»...

За этой надписью стоят чисто организационные соображения. Но я постоянно стремлюсь к преодолению границ: от богословия — к философии, к религиоведению, из перспективы носителя, *native speaker'a* — к перспективе стороннего наблюдателя. Моя задача состоит в том, чтобы убедительно донести сугубо христианское содержание в его внутренней логике до тех, кто его не знает или не приемлет. Дискуссия возможна только в том случае, когда обе стороны говорят о чем-то одном, общем, иначе разговор не состоится. Для этого, с одной стороны, нужна информация, и с другой стороны, должна быть выявлена и сформулирована специфика религии. Последнее, в свою очередь, предполагает понимание того, почему возможна эта речь от первого лица («верую», «веруем»), то есть как формулируется исповедание веры. Подобные вещи нельзя объяснить из перспективы третьего лица, потому что религия есть то, что имеет отношение к моей собственной личности, к моему бытию в качестве субъекта, к моим «сердцу и совести», говоря словами Лютера. Христианская религия не только связана с внешними ритуалами, она имеет отношение к моему внутреннему содержанию. Убеждение в истине, уверенность в истине — все это невозможно оставить за скобками. Иначе у нас будет, конечно, определенный пласт религии, но само ядро останется вне поля зрения.

Вы преподаете также этику и, наверное, участвуете в работе каких-то междисциплинарных комиссий. Не замечаете ли вы иронии в свой адрес со стороны представителей других дисциплин — по поводу своих «притязаний на истину»?

Нет. Потому что ведь и философия работает с теориями истины, и модус предмета юриспруденции — та же «значимость». Законы, нормы — это не то, чем мы располагаем в нашем опыте как фактом; все это — модальные предписания, то есть предписания в модусе долженствования. Между религией и нормативностью — множество точек соприкосновения. И университет нужен для того, чтобы все это не смешалось в кучу, чтобы обозначить и сохранить различия между дисциплинами и подходами. Университет способен к этому потому, что дифференцированное мышление, поиск, формулирование и учет аргументов и контраргументов — это, так сказать, фирменный знак научной, университетской среды.

Бывает, конечно, что богословы не выходят за пределы своего факультета, но если все складывается хорошо, тогда имеет место обмен — с юристами, медиками. Так, я работаю в междисциплинарной рабочей группе «Медицина–этика–право», в комиссии по этике при университетской клинике, где разбираются пограничные в этическом смысле случаи или обсуждаются актуальные вопросы этики. Я также участвую в работе Междисциплинарного центра по исследованию европейского Просвещения, наравне с историками, филологами, философами.

Кто же вы — этик или богослов?

Богослов. Этика — часть систематического богословия. Систематическое богословие подразделяется на три области. (1) Религиозная философия (философия религии), или богословское учение о принципах (в католической терминологии — «фундаментальное богословие»). Здесь речь идет о вопросах: является ли религия предметом разума? можно ли быть на стороне религии перед лицом (философской) критики религии? Здесь обсуждаются и вопросы соотношения религии и культуры. (2) Догматика, то есть область, обнимающая собой церковное вероучение в узком смысле слова. Границы догматики довольно стабильны: учение о Боге,

триадология, христология, пневматология, сотериология, экклезиология, эсхатология, учение о грехе и проч. (3) Этика. С одной стороны, это дисциплина, занимающаяся последствиями проявления веры в поступках, а с другой стороны, эти вопросы влекут за собой вопросы о правильных поступках, о создании ориентиров. Поэтому этика занимается проблемами и вопросами современной культуры в церкви и вне ее. Этика стоит перед необходимостью постоянного перехода границ разных дисциплин. Я рассматриваю этику через движение от общего к конкретному. Общее — это, например, соотношение религии и политики. Оно касается этики государства, таких вопросов, как демократия, права человека, правовое устройство государства, соотношение религии и права, вопроса о границах религии. Второе общее поле — это экономика. Мне постоянно задают вопросы: оправдан ли капитализм с этической точки зрения? что богословы говорят о кризисе финансовых рынков, о проблемах «доверия, достоверности, кредита» в экономике? Ведь все это понятия, имеющие богословское, религиозное происхождение. Третья область этики — то, что раньше называли «вопросами семьи и брака», а сегодня называется этикой поколений и полов. Здесь речь идет об отношениях поколений, о вопросах усыновления, искусственного оплодотворения и проч. Четвертая область — медицинская этика; в ней речь идет о теле человека с точки зрения других — врачей, медицинского персонала, а также о вопросах медицинского страхования (здесь мы опять выходим в сферу отношения богословия с экономикой и политикой, потому что мы имеем дело с политическими рамками и условиями, создающимися для страховых компаний).

Студенты, изучающие экономику, приходят на ваши лекции?

Бывает, что приходят. Или меня просят прочитать у них лекцию.

Получается, что студенты-экономисты обязаны посещать богословские лекции и семинары?

Нет, не обязаны. Зато студенты, учащиеся по специальности «Медицина–этика–право», должны ходить на мои лекции, так же как и к юристам.

Значит, государство озабочено этическими вопросами?

Государство делает определенный ряд предписаний для случаев, в которых необходима консультация со стороны этики. Я уже упоминал о комиссии по этике при университетской клинике. Чаще всего в ее работе принимают участие и представители богословской этики, но могут быть и философы. На высшем политическом уровне у нас есть Германский совет по этике. Подобные советы работают и на уровне отдельных земель, на региональном уровне. У нас есть этические комиссии и при профессиональных организациях, например, при Врачебной палате.

То есть можно сказать, что церковь в некотором смысле пронизывает государство?

Отчасти можно так сказать. Недаром же говорят о том, что в Германии отделение церкви и государства «хромает» (*«hinkende Trennung» von Staat und Kirche*). Это одна сторона дела. А другая сторона состоит в том, что государство нуждается в постоянном обновлении нравственных и религиозных ориентиров граждан. Эти ориентиры оно само дать не может, потому что обязано соблюдать нейтралитет.

Вы замечаете какое-то сопротивление присутствию богословия в обществе?

Сопротивление бывает. Его интенсивность зависит от политических взглядов конкретных людей, с которыми мы имеем дело. Ведь церкви — это тоже акторы гражданского общества. Мы сталкиваемся с целым спектром позиций: от просто нецерковных до антицерковных. И это — область общественной дискуссии, борьбы аргументов. Здесь речь идет о цивилизованном общественном дискурсе. Вопросы мировоззрения, религиозные вопросы — его неотъемлемая часть.

Беседовала Анна Брискина-Мюллер